

Л.И. Писарев

**Брак и девство при свете
древнехристианской
Святоотеческой
письменности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Л11

Л11 **Л.И. Писарев**
Брак и девство при свете древнехристианской Святоотеческой письменности
/ Л.И. Писарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-518-06947-3

Православный собеседник, 1904, I, с. 87-137, 185-204.

ISBN 978-5-518-06947-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

верженіе взглядовъ своихъ противниковъ, но высказали, кромѣ того, цѣлый рядъ положительныхъ сужденій, на основаніи которыхъ можно составить цѣлостное, ясное, точное и опредѣленное ученіе по вопросу о бракѣ и дѣвствѣ.

Чтобы понять святоотеческое ученіе о дѣвствѣ и бракѣ, чтобы уразумѣть всѣ его типическія особенности, необходимо имѣть въ виду тѣ метафизическія

пер. подъ редакціей проф. Ловягина, 1877 г.,—это особенно важное и интересное сочиненіе по обстоятельности и глубинѣ мыслей), *Кипріяна Карфагенскаго* («Объ одеждѣ дѣвственницъ», «О надшихъ»—русск. перев. при Кіевск. Акад. т. 2), *Постановленія апостольскія* (отдѣльныя главы, русск. переводъ въ Казани), *Василія Великаго* («Предначертаніе подвижничества», «Слово подвижническое и увѣщаніе объ отреченіи отъ міра», «Три слова о подвижничествѣ», «Подвижническіе уставы» и др.—русск. пер. при Москов. Акад. изд. 2, т. 5), *Григорія Богослова* («На цѣломудріе», «Къ дѣвамъ», «Похвала дѣвству», «Совѣты дѣвственникамъ» и др.—русскій перев. при Москов. Акад. 1847, г. 5), *Григорія Нисскаго* («О дѣвствѣ», «О цѣли жизни по Богѣ», «Къ Олимпію монаху» и др.—рус. перев. при Москов. Акад. 1865, т. 7), *Иеронима* (цѣлый рядъ писемъ къ дѣвственницамъ и о дѣвствѣ—русск. перев. при Кіевск. Акад. т. 1—2), *Августина* («О воздержаніи», «О благѣ супружества», «О святомъ дѣвствѣ», «О благѣ вдовства», «О прелюбодѣйныхъ супружествахъ», «О бракѣ и похоти»—*Patr. curs. compl Mign'я S. L. т. XL и XLIV—Aurelii Augustini: т. VI и X*—это самые важные въ древне-отеческой письменности труды по обстоятельности, широтѣ, глубинѣ и систематичности рѣшенія вопроса о бракѣ и дѣвствѣ), *Иоанна Златоуста* («О дѣвствѣ» и цѣлый рядъ другихъ трактатовъ—рус. пер. при Петерб. Акад. 1895 г. т. 1), *Амвросія Медиоланскаго* (цѣлый рядъ трактатовъ о дѣвствѣ и бракѣ—русск. перев. Казанск. Акад. 1901 г.), *Иоанна Дамаскина* (отдѣльный трактатъ въ «Точн. излож. прав. вѣры»—русск. пер. проф. Бронзова 1895) и цѣлый рядъ специально-аскетическихъ твореній *Макарія Великаго*, *Антонія Великаго*, *аввы Исаіи*, *Марка подвижника*, *Иоанна Кассіана*, *Нила синайскаго*, *Ефрема Сирійнина*, *Иоанна Лествичника* и др. (въ «Добротолюбіи»—русск. пер. епископа Теофана т. 1—4).—При ссылкахъ мы вездѣ будемъ имѣть въ виду только указанная здѣсь изданія, по преимуществу русскія для удобства пользованія ими.

посылки, изъ которыхъ исходить и которыми опредѣляется общее міровоззрѣніе положительнаго христіанства, выразителями котораго были святые отцы и учителя церкви. Въ противоположность древне-языческой философіи, которая впадала въ крайности или абсолютнаго идеализма или абсолютнаго реализма христіанство имѣетъ въ основѣ своего міросозерцанія болѣе широкую, всеобъемлющую, жизненную точку зрѣнія на міръ Божій. Все бытіе въ его цѣломъ и частяхъ оно представляетъ твореніемъ единаго благого Бога, всепроникающаго всѣ части своего совершеннаго творенія; весь міръ какъ въ матеріальной, такъ и духовной части своего бытія есть *благо* по своей сущности. Между духомъ и матеріей, между жизнью духовныхъ и матеріальныхъ существъ, одинаково добрыхъ по своей природной субсистенціи, все различіе въ христіанствѣ сводится къ тому только, что блага духовныя признаются имѣющими самодовлѣющее бытіе, тогда какъ блага матеріальныя—бытіе служебное: первыя сами въ себѣ сосредоточиваютъ конечную цѣль нравственно-религіозной жизни, вторыя же, наоборотъ, имѣютъ нравственную цѣнность только постольку, поскольку они служатъ средствомъ къ осуществленію высшихъ духовно-нравственныхъ цѣлей.

При такихъ метафизическихъ предпосылкахъ христіанства, положенныхъ въ основу своего міровоззрѣнія, св. отцы и учителя церкви естественно должны были прійти къ совершенно иному воззрѣнію на дѣвство и бракъ, сравнительно съ своими оппонентами. Въ противоположность гностикамъ, которые отрицательно относились къ матеріальному началу въ жизни міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ браку, какъ концентраціи матеріальной жизни, св. отцы, съ точки зрѣнія указанныхъ метафизическихъ основъ положительнаго христіанства, не могли съ предубѣжденіемъ относиться къ браку и считать его зломъ и скверной по одному тому только, что онъ является удовлетво-

реніемъ по преимуществу тѣлесныхъ запросовъ природы человѣка. Съ другой стороны, въ противоположность пелагіанамъ, которые, напротивъ, слишкомъ близко къ сердцу принимали интересы матеріальнаго міра, слишкомъ реалистически смотрѣли на матеріальную жизнь и вслѣдствіе этого почти совершенно исключали дѣвство изъ своей программы нравственнаго благоповеденія человѣка, св. отцы, исходя изъ возвышенныхъ принциповъ своего нравственно-религіознаго міросозерцанія, должны были защищать интересы дѣвства и его возвышенно-религіозные идеалы. Словомъ отцы церкви совершенно послѣдовательно и логично приняли подъ свою защиту и дѣвство и бракъ, какъ два состоянія, въ которыхъ концентрируются интересы *цѣльнаго* человѣка, какъ существа духовно-нравственнаго съ одной стороны и какъ существа тѣлеснаго съ другой стороны. „Безбрачіе и бракъ—говоритъ Климентъ александрійскій—предъявляютъ человѣку каждый свои особенныя требованія и спеціальныя обязанности, *равно цѣнныя въ очахъ Господнихъ*“¹⁾. „И бракъ и дѣвство суть благо“,—вотъ общій приговоръ всѣхъ вообще древнихъ церковныхъ писателей²⁾.

Но, спрашивается, не раздвояется ли такимъ образомъ нравственно-религіозный идеаль христіанства, при такомъ двойственномъ направленіи жизни не теряетъ ли этотъ идеаль свою опредѣленность³⁾?

¹⁾ Клим. алекс. Строматы кн. 3, гл. 12; р. н. стр. 363.

²⁾ August. De bono conjugali c. 23 § 29. M. t. VI, col. 393. сравн. Постановл. Апостольск. (кн. VI, § 28; рус. пер. стр. 206—207): «бракъ почтенъ и честенъ, и рожденіе дѣтей чисто; ибо въ добромъ ибѣтъ ничего худого».

³⁾ Особенно г. Розановъ настаиваетъ на томъ, что «церковь двоятся при этой точкѣ зрѣнія (т. е. при точкѣ зрѣнія церковной на бракъ и дѣвство, какъ на состоянія законно-нравственныя) и что подъ покровомъ одной, въ темныхъ и бѣлыхъ ризахъ духовенства.. мы имѣемъ *два и притомъ про-*

Св. отцы на этотъ вопросъ отвѣчали утвердительно. По ихъ общему соединенному мнѣнію, жизнь тѣлесная въ состояніи брачномъ и жизнь духовная въ состояніи дѣвственномъ дѣйствительно представляетъ изъ себя очевидное противорѣчіе, но это зависитъ не отъ самаго существа дѣвства и брака, а отъ того обстоятельства, что самая жизнь наличнаго падшаго человѣчества представляетъ изъ себя раздвоенность, диссонансъ, издаваемый дурно настроеннымъ инструментомъ, какимъ является природа падшаго человѣка. Сознаніе этого диссонанса въ жизни было настолько сильно въ міросозерцаніи святыхъ отцевъ, что они самую двойственность состояній — дѣвственнаго и брачнаго — считали результатомъ ненормальныхъ условій, среди которыхъ проходитъ жизнь наличнаго падшаго человѣчества. По ихъ общему мнѣнію, конечною цѣлю нравственно-религіознаго прогресса должно служить уничтоженіе этой раздвоенности и противорѣчія между жизнью дѣвственной и жизнью брачной, сведеніе интересовъ той и другой къ единству идеаловъ жизни брачно-дѣвственной.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ міровоззрѣніе св. отцевъ по вопросу о дѣвствѣ и бракѣ входитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ принципами христіанской антропологии; въ ней и нужно искать отвѣта на вопросъ, *почему* же собственно существуетъ раздвоенность между идеалами дѣвственнаго и брачнаго состоянія, *въ чемъ* проявляется эта раздвоенность, *какъ* ея избѣгнуть, *каково* относительное достоинство дѣвства и брака въ процессѣ нравственно-религіознаго совершенствованія человѣчества?

Единство идеаловъ дѣвственнаго и брачнаго состоянія, по взгляду отцовъ, и было достояніемъ перво-

тивоположенія упованія, спайку двухъ церквей: «бѣлаго поклоненія», «свѣтлому Лику» и «темнаго поклоненія» «темному Лику». (Примѣчаніе г. Розанова къ статьѣ прот. Уст—скаго: «Бракъ и дѣвство» — въ книгѣ Шарапова: «Сущность брака» 1901 г., стр. 124, пр. 1).

бытной райской жизни прародителей человѣческаго рода—Адама и Евы. Вышедши изъ рукъ Творца совершенными, они не заключали въ своей нравственно-духовной и тѣлесной природѣ раздвоенности идеаловъ жизни: все существо ихъ невинной природы было проникнуто *единствомъ* стремленій, помысловъ и желаній. Центромъ, къ которому сводилась вся ихъ райская жизнь, какъ духовно-нравственная, такъ и физическая, былъ Богъ ¹⁾. И это потому, что драгоценнымъ достояніемъ ихъ природы было отсутствіе въ нихъ той „плотской похоти“ (concupiscentia), которая въ наличномъ падшемъ человѣчествѣ служитъ принципомъ нравственно-духовнаго разлада ²⁾, которая собственно и заставляетъ наличнаго человѣка прибѣгать къ дѣвству какъ къ нѣкоторому „врачебному средству“ ³⁾, предохраняющему его отъ всѣхъ прираженій похоти—грѣха, заставляетъ его, — по мѣткому и характерному выраженію св. Григорія Богослова, — какъ бы „исходить изъ тѣла“ ⁴⁾. Такимъ образомъ ясно, что это „исхождение изъ тѣла“, совпадающее при наличныхъ условіяхъ жизни съ удаленіемъ отъ брака, съ дѣвствомъ, было совершенно излишне для первобытнаго человѣка. Послѣдній безъ всякой опасности для своей нравственно-религіозной цѣлости могъ одинаково безгрѣшно проводить, какъ жизнь брачную — супружескую, такъ и жизнь безбрачную — дѣвственную. Правда, ни книга Бытія, ни отцы церкви—комментаторы этой священной книги, раскрывающей тайны міробытія, не даютъ указаній на то, что прародители до момента грѣхопаденія

¹⁾ Aug. De gratia Christi c. 26; M. t. X, col. 374; De civ. Dei 14, 7; M. t. VII, col. 414.

²⁾ De nupt. et concup. 2, 35; M. t. X, col. 471; De civ. Dei 14, 23; M. t. VII, col. 430.

³⁾ Григорій Бог. «Совѣты дѣвственникамъ» (русск. пер. т. 5, стр. 88): «дѣвство—*врачевство и пособіе противъ* страстей».

⁴⁾ Тамъ же «Опредѣленія слегка начертанныя» (рус. п. стр. 342).

имѣли между собою брачныя общенія. Всѣ отцы—безъ исключенія — считаютъ ихъ дѣвственниками въ буквальномъ смыслѣ этого слова. „Адамъ и Ева—говорить Златоустъ—пребывали въ томъ мѣстѣ (т. е. въ раю), украшаясь дѣвствомъ“¹⁾. „Въ раю процвѣтало дѣвство“, также рѣшительно выражается Іоаннъ Дамаскинъ, этотъ систематизаторъ святоотеческихъ мнѣній предшествующаго періода²⁾. Но бл. Августинъ, этотъ глубокой мыслитель-богословъ, задаваясь вопросомъ, какимъ образомъ родъ человѣческой могъ бы распространиться, если бы Адамъ и Ева не согрѣшили и не были изгнаны изъ „рая сладости“, рѣшительно и совершенно логично съ точки зрѣнія общихъ основъ христіанства, заявляетъ, что „бракъ (nuptiae) существовалъ бы въ первобытномъ состояніи, если бы никто и не согрѣшилъ“, что „зарожденіе дѣтей (semipatio filiorum) происходило бы и тогда въ тѣлѣ той (райской) жизни“³⁾ и что „это рожденіе тѣлъ могло бы совершаться путемъ плотскаго общенія (per concubitum) до тѣхъ поръ, пока число (людей) не достигло бы опредѣленнаго количества“⁴⁾, пока не исполнилось бы „опредѣленное Богомъ число святыхъ, имѣвшихъ свою цѣлю составить общество гражданъ святаго града“⁵⁾. Такимъ образомъ какъ союзъ „святыхъ людей“, не имѣющихъ въ своей природѣ никакого грѣховнаго разлада, какъ союзъ „гражданъ святаго града“, бракъ первобытныхъ людей могъ быть только *святымъ* во

¹⁾ Златоустъ. «О дѣвствѣ» § 14 — Полное собр. соч. въ р. п. Сиб. 1895 г., т. I, стр. 303.

²⁾ «Точное изложене нрав. вѣры», кн. 4, гл. 24; р. п. стр. 263. — Доказательство дѣвственности прародителей I. Д. идетъ въ томъ фактѣ, что Адамъ и Ева «оба были наги и не стыдился» (тамъ же).

³⁾ De nupt et concup l. 1, c. 1. M. t. X, col. 414.

⁴⁾ De bono conjug. c. 2, M. t. VI, col. 374.

⁵⁾ De civit. Dei XIV, 23, 26. M. t. VII, col. 430, 434; Opus imperf. III, 198. M. t. X, col. 1332.

всѣхъ своихъ частяхъ—и духовно-нравственнаго и тѣлеснаго общенія. По своей чистотѣ нравственно-духовной онъ совершенно совпадалъ съ идеалами дѣвства. И физическія половыя сношенія супруговъ, при отсутствіи плотской похотливости—этого конгломерата всевозможныхъ страстно-грѣховныхъ порывовъ, не могли наносить идеально-чистой природѣ прародителей никакого вреда и такимъ образомъ обезразличивали самую дѣвственность, дѣлали ее даже совершенно излишней, потому что супружество—при условіяхъ первобытнаго совершенства—было выраженіемъ самаго чистаго цѣломудрія. „Тогда (въ раю), говоритъ Августинъ, половые члены приводились бы въ движеніе мановеніемъ воли, какъ и всѣ прочіе члены человѣческаго тѣла; тогда супругъ прильнулъ бы къ лону супруги (maritus uxoris) ¹⁾ безъ страстнаго волненія, съ сохраненіемъ полнаго спокойствія души и тѣла и при полномъ сохраненіи цѣломудрія“ ²⁾.

Такимъ образомъ, по взгляду Августина „о святой плоти“, „о святости полообщенія“ можно гово-

¹⁾ Названіе заимствовано у Виргилія Aeneid. VIII, v. 406.

²⁾ De civ. Dei XIV, 26. M. t. VII, col. 434. Августинъ допускаетъ, что при сохраненіи первобытно-чистаго нравственно-духовнаго и физическаго состоянія человѣкъ сталъ бы «обсѣменять родовое поле (arvum genitale),—этотъ согворенный для рожденія органъ,—точно такъ же, какъ въ настоящее время обсѣмняетъ землю рука земледѣльца» (De civ. Dei XIV, 23. M. t. VII, col. 431), тогда «мужъ сталъ бы сѣять потомство, а жена воспринимать своими дѣтородными членами, приводимыми въ движеніе, *когда нужно и насколько нужно*, посредствомъ воли, *безъ всякаго возбужденія похоти*» (De civ. Dei XIV, 24. M. t. VII, col. 433) По Августину половое общеніе было необходимою природою первобытнаго человѣка, потому что и самыя тѣла первыхъ людей были еще только «слухеными» (animalia), а не «духовными» (spiritualia), какіхъ они могли бы достигнуть только въ конечномъ періодѣ своего нравственно-религіознаго развитія, когда и самая смерть перестала бы угрожать человѣчеству и послѣднее перешло бы въ состояніе «способности не умирать» (posse non mori)—(De bono conjugali c. 2, M. t. VI, col. 374).

рять въ приложеніи къ брачному супружеству, заключенному при условіяхъ первобытно-чистаго, неповрежденнаго и цѣломудреннаго состоянія человѣческой природы, когда и дѣвство и бракъ были одинаково чисты и святы и сводились къ единству одного общаго цѣломудренно-чистаго, брачно-дѣвственнаго состоянія.

Но это первобытное гармоническое сочетаніе идеаловъ дѣвства и брака, по взгляду отцовъ, роковымъ образомъ нарушилось съ самаго момента грѣхопаденія Адама и Евы. Послѣ утраты ими драгоцѣннаго дара первобытной невинности установилось уже совершенно иное соотношеніе между брачнымъ и дѣвственнымъ состояніемъ: *прежде*, до грѣхопаденія, совершенно безразличныя въ нравственно-религіозномъ отношеніи, *теперь*, въ падшемъ состояніи, дѣвство и бракъ обособились, приобрѣли каждый свои специфическія черты въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыя самымъ актомъ грѣхопаденія была поставлена нравственно-духовная и физическая жизнь падшаго человѣка.

Психологія падшаго состоянія, во всѣхъ подробностяхъ разработанная отцами церкви ¹⁾, и уясняетъ намъ сущность, характерныя особенности, назначеніе и конечную цѣль дѣвственнаго и брачнаго состоянія въ жизни падшаго человѣчества.

¹⁾ Субъективно-психологическое состояніе падшаго человѣка изображается главнымъ образомъ въ многочисленныхъ трудахъ христіанскихъ писателей-аскетовъ: Макарія Великаго, Нила Синайскаго, Исидора Пелусіота, Іоанна Кассіана, Марка Опшельника, Василія Великаго и т. д. Разработку этихъ взглядовъ см. въ трудахъ: *П. Пономарева*: «Догматическія основы христіанскаго аскетизма по твореніямъ восточныхъ писателей-аскетовъ IV в. Казань, 1899 г. и *іеромонаха Теодора*: «Аскетическія воззрѣнія Іоанна Кассіана Римлянина. Казань, 1902 г.» Объективно-теоретическія основы падшаго состоянія главнымъ образомъ—и при томъ строго систематически—выяснены бл. Августиномъ въ его сочиненіяхъ, направленныхъ противъ пелагіанъ. См. Patr. curs. compl. S. L. t. XLV (Opp. Aug. t. X). Разработку взглядовъ Августина на падшее состояніе человѣка можно читать въ моемъ трудѣ: «Ученіе бл. Августина въ его отношеніи къ Богу». Казань, 1894 г.

Сущность паденія, по смыслу ученія отцовъ церкви, заключается въ отрѣшеніи человѣка отъ Бога, въ горделивомъ самоуслаженіи своимъ собственнымъ „я“, въ стремленіи основать свое независимое царство на землѣ, въ желаніи сдѣлать себя какъ бы вторымъ богомъ. Такимъ образомъ въ актѣ паденія на мѣсто первобытнаго райскаго послушанія Богу было поставлено человѣкомъ горделивое превозношеніе своею личностію, на мѣсто безраздѣльной любви къ Богу — любовь къ самому себѣ, на мѣсто духовно-нравственныхъ стремленій — ниспаденіе въ міръ земныхъ интересовъ, на мѣсто райскаго блаженства, духовнаго по преимуществу, блаженство земное съ предпочтительнымъ услаженіемъ земными радостями, и, какъ неизбежное отсюда роковое послѣдствіе, на мѣсто господства человѣка надъ землею, явилось его порабощеніе міру, на мѣсто райскаго безсмертія явились всевозможныя физическія страданія и, наконецъ, самое сильное изъ нихъ — смерть физическая. Словомъ для человѣка, по мѣткому выраженію Августина, создалась „несчастливая цѣпь обстоятельствъ“ ¹⁾, которая заковала все существо человѣка и наложила на него „жестокое и жалкое рабство“ (*duram miseramque servitatem*) ²⁾, отъ котораго онъ не въ силахъ освободиться безъ особенныхъ съ своей стороны подвиговъ нравственно-духовнаго и физическаго самоусовершенствованія, а главное — безъ особой божественной помощи. В частности, опредѣляя самую сущность этого „жестokaго рабства“, отцы церкви усматриваютъ его основу въ „плотской похоти“ (*concupiscentia, libido, ἐπιθυμία, πάθος*), которой сопровождается физиологическій актъ полового общенія (*concubitus*). Въ виду особой интенсивности половой страсти, въ виду ея тѣсной связи со всѣмъ существомъ человѣка, она считается отцами церкви

¹⁾ De civ. Dei, XIV, 15. M. t. VII, col. 423.

²⁾ De civ. Dei XIII, 14; M. t. VII, col. 386.

„корнемъ грѣха“, основой всѣхъ порочно-грѣховныхъ помысловъ, пожеланій и стремленій падшаго человѣка. По мѣткому выраженію Климента александрійскаго, заимствованному имъ у Платона, она— „дикій и жестокій тираннъ“¹⁾ человѣческой природы, „она командуетъ всѣми страстями“, „изъ нея развиваются безчисленныя родственныя страсти, и безпутство образуетъ надъ ними вѣнецъ“²⁾. Эта „страсть извращаетъ характеръ уставовъ природы“³⁾, чрезъ ея посредство происходитъ ниспаденіе человѣка въ міръ земныхъ интересовъ, оземленѣніе духа и его нравственно-религіозныхъ потребностей; она порождаетъ всевозможные пороки духа и плоти⁴⁾, и—страшнѣе всего—соединяясь съ родовымъ союзомъ, она чрезъ него передаетъ всему человѣческому роду зараженіе грѣхомъ⁵⁾. Въ этой страсти такимъ образомъ получаетъ свою основу наследственность всѣхъ недуговъ—общественныхъ, государственныхъ и семейныхъ. Она составляетъ какъ бы ту печать, которой замкнуть круговоротъ міра бѣд-

1) Клим алекс. «Педагогъ», кн. 2, гл. 10; русскій переводъ въ изданіи Корсунскаго (Ярославль, 1890 г.), стр. 211.

2) Клим. алекс. «Педагогъ», кн. 2, гл. 10; р. и. стр. 212.

3) Клим. алекс. «Педагогъ», кн. 2, гл. 10; р. и. стр. 203.

4) «Плотская похоть, говоритъ Августинъ, не только овладѣваетъ всѣмъ тѣломъ,—и при томъ не только внѣшнимъ, но и внугреннимъ образомъ,—но приводитъ въ волненіе и всего человѣка, соединяя и смѣшивая расположеиіе душевное съ требованіемъ плоти и сопровождается такимъ наслажденіемъ, сильнѣе котораго нѣтъ ни одного между наслажденіями тѣлесными, такъ что въ тотъ моментъ, когда оно достигаетъ высшей степени своей силы, теряется почти всякая принципальность и бдительность мысли» (De civ. Dei 14, 16. M. t. VII, col. 424—425).

5) «Вслѣдствіе плотской похоти (concupiscentia carnis), которая есть дочь грѣха, во всякомъ случаѣ происходитъ и потомство, подверженное первородному грѣху (originali et obligata peccato)» — Августинъ. De nupt. et concup. 1, 24. M. t. X, col. 429; Contra Julianum 3, 24; 4, 4. M. t. X, col. 730. 756. 764.